

**Русский антропологический
журнал**

1903 г. № 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р89

Р89 Русский антропологический журнал: 1903 г. № 1 / – М.: Книга по Требованию,
2016. – 129 с.

ISBN 978-5-4241-9175-6

ISBN 978-5-4241-9175-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

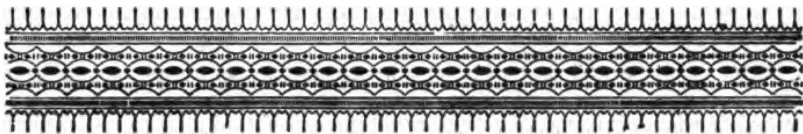
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Астраханскіе калмыки.

Въ появившейся въ 1893 г. монографіи А. А. Ивановскаго ¹⁾ мы имѣемъ обстоятельное и всестороннее изслѣдованіе монголовъ-торгоутовъ, обитающихъ въ Тарбагатайской области. Историческія данныя свидѣтельствуютъ, что изученные г. Ивановскимъ торгоуты являются прямыми потомками тѣхъ монгольскихъ племенъ, которыя, перекочевавъ между 1630 и 1703 гг. изъ глубины Азіи въ предѣлы дельты р. Волги, низовій Дона и части Сѣв. Кавказа, около 1770 г. вернулись опять въ Центр. Азію, гдѣ и расселились по области, обитаемой ими и по настоящее время. Въ обратномъ движеніи въ Азію приняли участіе далеко не всѣ поселившіеся въ Россіи торгоуты; потомки той части ихъ, которые остались въ Россіи, извѣстны подъ именемъ калмыковъ, кочуютъ и до сихъ поръ по степямъ Астраханской и Ставропольской губ. и области Войска Донскаго. Изученные г. Ивановскимъ тарбагатайскіе торгоуты имѣютъ такимъ образомъ общихъ съ нашими калмыками предковъ и являются родными ихъ братьями, отдѣлившимися отъ одного общаго ствола 130 лѣтъ тому назадъ, т.-е. въ предѣлахъ времени, достаточнаго для возрастанія пяти поколѣній. Общая родословная тарбагатайскихъ торгоутовъ и нашихъ калмыковъ такова: западныя монгольскія орды дѣлятся на три главныя отдѣленія: 1) чахары или халхасы, 2) буряты и 3) элюты. Элюты подраздѣляются, въ свою очередь, на четыре племени: 1) джунгарь, 2) тургутъ или торгоуть, 3) хошаты или хошоуты и 4) дурботы или дербетъ ²⁾. Въ предѣлы Евр. Россіи переселились главнымъ образомъ торгоуты, съ примѣсами, однако, и другихъ элютскихъ племенъ.

Астраханскіе калмыки представляютъ изъ себя народъ интересный во многихъ отношеніяхъ. Будучи окружены осѣдымъ христіанскимъ населеніемъ въ теченіи двухъ съ лишнимъ вѣковъ, они до сихъ поръ со-

¹⁾ А. А. Ивановскій. Монголы-торгоуты. „Труды Антропол. Отдѣла“, т. XIII.

²⁾ Цитир. по А. А. Ивановскому.

храняют пастушескій кочевой образъ жизни, первобытнѣй арханческій строй (остатки родового начала), свою старинную религію и т. д. Для антропологовъ изученіе астраханскихъ калмыковъ представляетъ еще и тотъ своеобразный интересъ, что, благодаря работѣ г. Ивановскаго о торгоутахъ Тарбагатайскаго обл., мы имѣемъ возможность сравненія физическаго типа двухъ вѣтвей одного и того же народа, находящихся въ теченіи 130 лѣтъ въ различныхъ условіяхъ географической среды, вліянія окружающихъ народовъ, социальнаго строя и т. д. Къ социальнѣй, антропологическое изслѣдованіе приволжскихъ калмыковъ до сихъ поръ слишкомъ еще не полно. Собственно о приволжскихъ калмыкахъ мы имѣемъ болѣе систематическія изслѣдованія лишь у Deniker'a, Kollmann'a, Мечникова и фонъ-Эркерта, причѣмъ наибольшее число изслѣдованныхъ особей (у Мечникова) не превышаетъ 30 ¹⁾. Осенью 1900 г. мнѣ удалось побывать въ калмыцкой степи и изслѣдовать 75 взрослыхъ калмыковъ мужчинъ.

По религіи калмыки—буддисты-ламанты. Ихъ многочисленное духовенство получило свою организацію и даже свои священныя книги, часть которыхъ и до сихъ поръ еще не переведена на калмыцкій языкъ, изъ Тибета. Они признаютъ верховное главенство Далай-ламы, но имѣютъ, однако, и своего собственнаго ламу, утвержденнаго русскимъ правительствомъ. Духовенство у калмыковъ очень многочисленно; по свѣдѣніямъ, выданнымъ мнѣ изъ астраханскаго калмыцкаго правленія ²⁾, въ 1899 г. во всей калмыцкой степи числилось 1284 чел. духовнаго званія, что при 134025 калмыкахъ, зарегистрированныхъ правленіемъ въ томъ же году, составляетъ почти 1% всего калмыцкаго населенія; если же принимать во вниманіе однихъ только мужчинъ (69924 чел.), то число лицъ духовнаго сословія составитъ около 2% всего мужского населенія. Надо къ этому прибавить, что указанная правленіемъ цифра лицъ духовнаго вѣдомства ниже истинной, такъ какъ сюда не включено значительное количество молодыхъ людей, готовящихся въ спеціальныхъ школахъ къ духовному званію. Такія школы имѣются почти при каждомъ изъ довольно многочисленныхъ монастырей (хуруловъ). Оригинальная особенность этихъ монастырей та, что они, за немногими исключеніями, не находятся въ какомъ-нибудь одномъ постоянномъ мѣстѣ, но кочуютъ такъ же, какъ и вся калмыцкая масса, каждый въ предѣлахъ части степи, право на кочевье которой принадлежитъ тому роду (или родамъ), достояніе котораго составляетъ и данный хурулъ. Въ хурулы принимаются для подготовленія

¹⁾ См. у А. А. Ивановскаго.

²⁾ За эти, равно какъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, выданныя мнѣ изъ калмыцкаго правленія, приношу правленію, въ лицѣ его управляющаго г. Овечкина, мою искреннюю благодарность.

въ духовное званіе мальчики лѣтъ 10—12¹⁾; пройдя подготовительную стадію, они дѣлаются „манджингами“ (церковные прислужники), потомъ „гецулями“ (ближайшіе помощники священнослужителей) и, наконецъ „гелюнгами“, т.-е. священнослужителями. Въ монастыряхъ же сосредоточено и все калмыцкое свѣтское образованіе, распространенное, впрочемъ, не очень широко,—грамотныхъ даже и среди богатыхъ калмыковъ очень немного. Хурулы же служатъ и разсадниками специальныхъ своеобразныхъ знаній, ведущихъ начало изъ Тибета и тѣсно связанныхъ съ религіей. Такъ, здѣсь получаютъ свое образованіе (по тибетскимъ книгамъ) „баши“ (учителя вѣры—лица, пользующіяся у калмыковъ огромнымъ авторитетомъ и часто являющіяся миротворцами и третейскими судьями при распряхъ калмыковъ между собою), затѣмъ «зурхачи»—гадатели-астрологи, безъ указанія или одобренія которыхъ не проходитъ ни одно сколько-нибудь важное событіе въ калмыцкой жизни, далѣе «зурачи» (живописцы, главное занятіе которыхъ—разрисовка различныхъ предметовъ религіознаго культа) и «эмчи»—медики, имѣющіе спеціальныя познанія относительно цѣлебныхъ свойствъ различныхъ травъ, но главнымъ образомъ лечашіе не травами, а излюбленнымъ и помогающимъ отъ всѣхъ болѣзней «шумлюмомъ» (бульонъ изъ баранины). Духовенство у калмыковъ не можетъ составлять строго замкнутой касты, такъ какъ оно безбрачно, и пополненіе его рядовъ доступно для лицъ всѣхъ сословій.

Сословно-бытовой строй калмыцкой жизни сохранилъ на себѣ много архаическихъ чертъ. До сихъ поръ не утратило еще своего значенія родовое дѣленіе, и каждый калмыкъ хорошо знаетъ, къ какому роду онъ принадлежитъ, что, впрочемъ, существенно для него необходимо уже потому, что у калмыковъ до сихъ поръ еще сохранились въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ права каждаго рода на опредѣленный районъ для кочевій. Права эти теперь подвергаются, впрочемъ, нѣкоторымъ нарушеніямъ и не такъ уже свято хранятся, да и самыя родовыя дѣленія не всегда имѣютъ значеніе указанія на распредѣленіе группъ по кровному родству, такъ какъ, съ одной стороны, нерѣдко замѣчается сліяніе нѣсколькихъ родовъ въ одинъ (напр., Баруновъ и Керетовъ роды слились окончательно въ одинъ родъ въ теченіи послѣднихъ 25-ти лѣтъ); съ другой же стороны, наблюдается также и образованіе новыхъ родовъ, объединяющихся совсѣмъ не по кровному родству, но по другимъ, преимущественно социальнымъ условіямъ²⁾. Таковы, напр., Шибинеровъ родъ (отъ «шибе»—послушникъ),

¹⁾ Русская администрація требуетъ, чтобы для подготовленія къ духовному званію въ хурулы поступали молодые люди не моложе 16 лѣтъ, но на практикѣ это требованіе легко обходится.

²⁾ Свѣдѣнія относительно родовъ (равно какъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія) заимствованы мною изъ двухъ интересныхъ и солидныхъ работъ И. Жителкаго: Астраханскіе калмыки (Астрахань, 1892) и Очерки быта астрах. калмыковъ („Тр. Этногр. Отд. Общ. Люб. Естеств.“, т. XIII, в. 1).

составленный из потомков крѣпостныхъ, принадлежавшихъ хуруламъ или ламамъ, Нойдугуовы роды—потомки калмыковъ, управляемыхъ не зайсангами (дворянами), а непосредственно самими нойонами (высшими дворянами, князьями), и составлявшихъ какъ бы ихъ личную дворню, и т. д.

До самаго послѣдняго времени у калмыковъ существовала крѣпостная зависимость, выработавшаяся на основаніи началъ родового строя; глава рода постепенно превратился въ современнаго зайсанга, властнаго распоряжаться имуществомъ всѣхъ своихъ сородичей; высшіе дворяне носятъ титулъ нойоновъ. Званіе нойона сохраняетъ только старшій сынъ нойона, другія же его дѣти имѣютъ званіе зайсанга. Нойонъ является господиномъ, власть котораго распространяется на нѣсколько родовъ. Происхожденіе ихъ надо, вѣроятно, искать еще въ глубокой древности, когда ихъ предки были побѣдителями, насильственно подчинившими себѣ народныя массы. Зайсанги, какъ бывшія главы родовъ, никогда не могутъ властвовать иначе, какъ надъ однимъ только родомъ; бываетъ даже и такъ, что одинъ и тотъ же родъ раздѣляется между нѣсколькими зайсангами. Съ подчиненіемъ русскому правительству зайсанги и нойоны остались сначала по-прежнему судьями и начальниками своихъ подчиненныхъ; но мало-по-малу и эта власть отошла отъ нихъ, перейдя къ учрежденнымъ въ концѣ XVIII в. улуснымъ правленіямъ, въ составъ которыхъ входятъ какъ русскіе чиновники, такъ и выборные отъ калмыцкаго народа. Но главнымъ образомъ зависимость крѣпостной массы отъ своихъ господъ выражалась въ обложеніи ея поквиточною данью. Размѣры этой дани регулировались русскою администраціей до тѣхъ, однако, поръ, пока дѣло шло о денежныхъ сборахъ. Но кромѣ денегъ зайсанги и нойоны получали отъ своихъ подданныхъ еще и натурою: нойоны никогда не били своего скота для пропитанія, но имъ доставлялся для этого скотъ подданными, зайсанги же не получали обыкновенно скота для повседневнаго пропитанія, но лишь при различнаго рода семейныхъ ихъ торжествахъ и событіяхъ. Денежные поборы съ крѣпостныхъ въ общемъ были очень чувствительны, доходя въ годъ до $4\frac{1}{2}$ —6 р. съ кибитки. Въ настоящее время, съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, годовыя уплаты съ каждой кибитки не превышаютъ 1 р. 25—1 р. 75 к., считая въ томъ числѣ и сборы на ближайшія калмыцкія нужды (нѣчто въ родѣ земскихъ сборовъ), которые раскладываются самими калмыками сообразно со степенью достатка каждой кибитки. Въ общемъ, слѣдовательно, реформа принесла калмыкамъ значительное облегченіе.

Въ административномъ отношеніи калмыки подчинены особому калмыцкому правленію, имѣющему свою резиденцію въ Астрахани. Ближайшій же административный надзоръ на мѣстѣ порученъ особымъ улуснымъ правленіямъ, во главѣ которыхъ стоятъ русскіе чиновники—печетеля улуса и ихъ помощники. При улусномъ же правленіи находятся и выбор-

ные депутаты от калмыковъ, составляющіе судящій на основахъ обычнаго права судъ—„зорго“, контролируемый входящими въ его составъ русскими чиновниками. Вся калмыцкая степь въ предѣлахъ Астраханской губ. подѣлена на 9 улусовъ, границы которыхъ опредѣлялись не вполне случайно, но главнымъ образомъ по районамъ кочевій, права на которыя сохранились за отдѣльными нойонами.

Главное занятіе калмыковъ составляетъ скотоводство, благодаря которому они и ведутъ кочевой образъ жизни. Но при крайней скудости почвы калмыцкой степи и частой гибели скота, скотоводство не въ состояніи прокормить всего калмыцкаго населенія, и тѣ изъ калмыковъ, которые лишаются своего скота, поневолѣ должны прибѣгать къ другимъ вспомогательнымъ занятіямъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ калмыцкимъ правленіемъ, въ 1899 г. у калмыковъ всего скота числилось: лошадей—65,434 головы, рогатаго скота—133,751, овецъ простыхъ—336,563, тонкорунныхъ—4,207, свиней—365, козъ—11,199, верблюдовъ—18,468. Число же всѣхъ калмыковъ въ астраханской степи значилось за этотъ годъ по тѣмъ же свѣдѣніямъ—134,025 чел., или, считая въ среднемъ по 4 чел. на кибитку, около 33½ тыс. кибитокъ. По этому расчету на каждую кибитку приходится въ среднемъ: лошадей—приблизительно 2 головы, рогатаго скота—около 3½ гол., овецъ и козъ—11, верблюдовъ—немного болѣе ½. Такого количества скота совершенно недостаточно для обезпеченія существованія калмыцкой семьи; особенно тяжелъ недостатокъ въ верблюдахъ и лошадяхъ, безусловно необходимыхъ для передвиженія при кочевьяхъ съ мѣста на мѣсто. Въ настоящее время едва ли не половина всего калмыцкаго населенія фактически лишена возможности вести образъ жизни независимаго скотовладѣльца-кочевника и должна прибѣгать къ отысканію иныхъ средствъ для существованія. Помимо поступленія въ наемъ къ своимъ же болѣе богатымъ сородичамъ, калмыки охотнѣ всего идутъ въ ямщики, кучера, провозятые многочисленныхъ торговыхъ каравановъ съ рыбой, солью и другими грузами, идущими черезъ степь, главнымъ образомъ по трактамъ на Царицынъ, на Ставрополь и на Кизляръ. Въ этихъ занятіяхъ калмыкъ остается вѣрнымъ себѣ и все-таки имѣетъ дѣло со скотомъ, и находится въ привычномъ для него состояніи передвиженія. Охотно идутъ также калмыки и на рыбные промыслы, являясь на нихъ прекрасными рабочими. Нужда загоняетъ калмыковъ и въ рабочіе при добычи соли и на нѣкоторыя другія работы, на которыя они идутъ, однако, менѣе охотно; но всего не охотнѣ идутъ они на трудъ земледѣльца; здѣсь они и не ловки и дѣлаютъ дѣло безъ всякой охоты, да и не выносятъ его хоть сколько-нибудь продолжительное время.

Въ семейной жизни калмыки—большіе индивидуалисты,—въ одной кибиткѣ никогда не живетъ болѣе одной брачной пары; при вступленіи въ бракъ прежде всего устраиваютъ для новобрачныхъ отдѣльную кибитку, такъ

что даже самое слово «бракъ» передается у калмыковъ «кхерь абалганъ», т.-е. приобретение кибитки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ калмыки очень общительны. Каждое семейное событіе, какъ-то: рожденіе (особенно сына), бракъ, приобретение новой кибитки или даже какой-нибудь цѣнной вещи и т. д. сопровождается празднествомъ, на которое собираются не только однохотоцы ¹⁾, но и всякій, кто только узнаетъ о предстоящемъ празднествѣ. Положеніе женщины въ семьѣ подчиненное; она не можетъ даже пить и ѣсть одновременно съ мужемъ; на ея долю выпадаютъ всѣ домашнія работы и заботы о семьѣ, кромѣ только охраненія скота, составляющаго единственное занятіе мужчинъ. При бракахъ приданое идетъ, главнымъ образомъ, отъ семьи невѣсты, но и семья жениха участвуетъ также въ оборудованіи новой кибитки со всѣмъ ея инвентаремъ. Сватовство и брачная церемонія длятся очень долго, обставлены множествомъ обрядовъ и идутъ при непримѣнномъ участіи не только родственниковъ, но и друзей обѣихъ брачующихся сторонъ.

Калмыки не отличаются національною нетерпимостью и охотно входятъ въ общеніе какъ съ другими инородцами, такъ и съ русскими. Большой чистотой нравовъ и цѣломудріемъ они не могутъ похвалиться, что, при отсутствіи у нихъ національныхъ предрасудковъ, въ значительной степени способствуетъ метисаціи. Воинственный нравъ давно уже сталъ у калмыковъ историческимъ преданіемъ, и въ настоящее время это—миролюбивое племя людей, чрезвычайно по существу добродушныхъ, жизнерадостныхъ и очень любящихъ и цѣнящихъ жизнь; смерти они боятся, одно слово «чичикъ»—оспа, которая вырываетъ изъ ихъ рядовъ много жертвъ, приводитъ ихъ въ ужасъ.

Условія жизни, а по нѣкоторымъ изслѣдователямъ (Житецкій) даже и самый физическій типъ современныхъ калмыковъ нѣсколько разнятся другъ отъ друга въ зависимости отъ характера обитаемой калмыками мѣстности. Въслѣдствіе этого мы необходимо должны войти въ нѣкоторыя подробности описанія характера калмыцкой степи, руководствуясь при этомъ, главнымъ образомъ, трудами Кума-Манычской экспедиціи, упомянутыми уже работами Житецкаго и личными впечатлѣніями и наблюденіями. Калмыцкая степь въ предѣлахъ Астраханской губ. занимаетъ огромную площадь въ 7.128.352 дес. Она представляетъ изъ себя плоскую низменную равнину, сравнительно лишь недавно вышедшую изъ-подъ воды Каспійскаго моря. Глазъ наблюдателя, попавшаго въ этотъ край впервые, поражается отсутствіемъ какихъ-либо холмовъ и возвышеній на десятки верстъ вкругомъ, отсутствіемъ воды и крайней скудостью растительности, особенно лѣтомъ, во время обычныхъ тамъ засухъ. Такой общій видъ степи опредѣляется прежде

¹⁾ Калмыки кочуютъ вмѣстѣ цѣлыми хотовами, т.-е. группами кибитокъ, обыкновенно составленными изъ ближайшей родни. Существуютъ, впрочемъ, хотоны духовные, хотоны лицъ, входящихъ въ личный штатъ войнона и т. д.

всего ея геологическимъ строеніемъ: параллельное напластованіе слоевъ ведетъ къ отсутствію ключей; недавній выходъ со дна моря обуславливаетъ обиліе почвенныхъ солей, не успѣвшихъ еще вполне выщелочиться. Только-что описанный видъ характеренъ главнымъ образомъ для самой большой, центральной части калмыцкой степи (4.200.000 дес.). Нѣсколько иными представляются ея юго-восточная часть или «Мочаги» (700.000 дес.) и западная часть или Эргени (2.128.332 дес.). Последняя вышла изъ-подъ морскихъ водъ значительно раньше другихъ частей калмыцкой степи и поднялась на 300—400 ф. надъ уровнемъ поверхности остальной степи, повидимому, внезапно; на это указываетъ, по крайней мѣрѣ, несогласное напластованіе слоевъ. Последнее условіе благоприятствовало сравнительному обилію подпочвенныхъ водъ и появленію во многихъ мѣстахъ ключей, что вмѣстѣ съ большимъ выщелачиваніемъ почвы (вслѣдствіе болѣе ранняго выхода на дневную поверхность) дѣлаетъ область Эргени болѣе богатою растительностью и болѣе удобообитаемою. Юго-восточная часть калмыцкой степи (Мочаги) является, наоборотъ, наиболѣе неблагоприятной для обитанія. Приминая къ безчисленнымъ заливамъ и рукавамъ послѣднихъ развѣтвленій волжской дельты и прѣсноводной части моря, богатая заливными и образующимися отъ таянія снѣга озерами ¹⁾, эта часть степи, казалось бы, должна была изобиловать растительностью. Но самое дѣлѣ это далеко не такъ: за исключеніемъ узкихъ полосъ камыша и чакана, расположенныхъ въ озерахъ (и то далеко не во всѣхъ) и по ихъ берегамъ, по всѣмъ Мочагамъ растительность почти совершенно отсутствуетъ. Отсутствіе растительности объясняется главнымъ образомъ чрезвычайнымъ обиліемъ почвенныхъ солей, зависящимъ не только отъ болѣе поздняго ухода отсюда моря, но и отъ частыхъ временныхъ его возвратовъ на эти мѣста, наступающихъ всякій разъ, когда сильные вѣтры съ моря производятъ сначала задержку стока прѣсной волжской воды, а, слѣдовательно, и разливъ ея на многіе десятки верстъ кругомъ, а потомъ и появленіе пригнанной съ моря соленой воды. Отсутствіе сколько-нибудь значительныхъ поднятій почвы, кромѣ невысокихъ Баровскихъ бугровъ, обуславливаетъ заливаніе огромной площади Мочаговъ. Многія изъ озеръ Мочаговъ содержатъ соленую воду, нѣкоторыя изъ нихъ даже осадочную соль, мѣстами разрабатываемую. Другимъ факторомъ, губящимъ растительность, является обиліе песковъ, передвижныхъ, заносящихъ огромныя пространства. Климатъ въ Мочагахъ теплый, нерѣдки совсѣмъ безснѣжныя зимы. Въ осталь-

¹⁾ Заливные озера называются по мѣстной (астраханской) терминологіи ильменями, а озера, образовавшіяся отъ таянія снѣга,—мочагами (откуда и названіе всей этой части степи). Обиліе мочаговъ, не исчезающихъ нерѣдко въ теченіе всего лѣта, обусловлено существованіемъ множества низинъ, расположенныхъ въ формѣ ложбинъ между двумя смежными т. наз. Баровскими буграми.

ной же части степи зимой бывают порядочные морозы, иногда до 20° и больше; особенно чувствительными становятся здесь морозы, благодаря нерѣдкимъ сильнѣйшимъ вѣтрамъ, отъ которыхъ негдѣ укрыться. Снѣга въ центральной степи и въ Эргеняхъ выпадаетъ много, очень часты жестокия метели, нерѣдко губящія массы скота, а иногда и людей. Лѣтомъ температура переходитъ часто за 40° R; по цѣлымъ мѣсяцамъ (особенно въ июнѣ и въ июлѣ) иногда не выпадаетъ ни одного дождя, не выберется даже ни одного облачного, сѣренькаго дня. При такихъ условіяхъ большая часть степи рѣшительно не пригодна для осѣдлой жизни, и калмыки владѣютъ ею безраздѣльно, приходя въ постоянное соприкосновеніе съ осѣдыми населеніемъ только въ нѣкоторыхъ пунктахъ Эргеней да по узкой полосѣ волжскаго берега. Кочуя съ мѣста на мѣсто, въ постоянной погонѣ за кормомъ и за водою для скота, калмыки не пользуются, однако, полной свободой передвиженій, но придерживаются опредѣленныхъ районовъ, издавна считающихся достояніемъ отдѣльныхъ родовъ. Исключеніе составляютъ лишь владѣльцы на столько большихъ стадъ, что зимою прокормленіе ихъ въ покрытой снѣгомъ части степи невозможно. Такіе крупные скотовладѣльцы нарушаютъ права владѣній родовъ, частью пользуясь своею силой, частью же путемъ различныхъ уступокъ и поблажекъ, на которыя остальная калмыцкая масса легко поддается, ясно понимая, что крупные владѣльцы дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ не изъ-за каприза, не изъ-за одного только осуществленія права сильного, но въ силу роковой необходимости. Необходимость же нарушенія родовыхъ правъ со стороны владѣльцевъ большихъ стадъ скота происходитъ изъ того, что въ центральной степи и даже въ болѣе обильныхъ растительностью Эргеняхъ зимой при глубокомъ снѣгѣ невозможно найти въ одномъ мѣстѣ кормъ для большого стада, а потому на зиму владѣльцы большихъ стадъ и перекочевываютъ на «Черневыя земли» или «Черни», т.-е. въ ту часть Мочаговъ, гдѣ снѣга почти не бываетъ и земля остается черною. Для прохода на Черни приходится, конечно, пересѣчь владѣнія многихъ чужихъ родовъ.

Наиболѣе неблагопріятны условія жизни въ Мочагахъ, большая часть населенія которыхъ уходитъ на лѣто на рыбные ловы. Значительно лучше условія жизни въ Эргеняхъ, гдѣ замѣчаются со стороны калмыковъ даже нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго образа жизни, въ родѣ сѣнокошенія и заготовленія зимнихъ запасовъ сѣна. Это заставляеть (наиболѣе, по крайней мѣрѣ, крупныхъ скотовладѣльцевъ) держаться всю зиму однихъ и тѣхъ же мѣстъ; отсюда уже одинъ только шагъ и до устройства домовъ для постоянного жительства. И дѣйствительно, въ Эргеняхъ существуютъ кое-гдѣ и постоянные дома богатыхъ калмыковъ, хотя обыкновенно во дворѣ стоятъ кибитки, такъ что въ домъ переходятъ только на время сильныхъ морозовъ. Къ благопріятнымъ условіямъ жизни въ Эргеняхъ,

кроме обилия воды и лучшей растительности, надо отнести также и существование многих неровностей почвы — возвышенностей и степных балок, дающих лучшую защиту людям и скоту от ветров, особенно от зимних буранов. Наибольшей же по поверхности отдаленности степи — центральная ее часть — представляет, так сказать, «средние» условия жизни, т. е. такие, при которых калмык в лучшие, в климатическом отношении, годы еще может кое-как перебиваться со своим скотом; если же лето простоять сухое, а зима обильна буранами, скот гибнет у него в большом количестве, и число малосильных кибиток, теряющих возможность жить исключительно скотоводством, быстро возрастает.

Соответственно различия в условиях жизни Мочагов, центральной степи и Эргеней, замечается, по словам г. Житецкого, в настоящее время дифференцировка и физического типа калмыков, равно как и нравственного их облика. „Степной калмык в массе не выше среднего роста, с черными волосами, темно-красным загаром лица и рук, с заметно выгнутыми от верховой езды ногами, с черными живыми глазами, сидящими глубоко в узких впадинах глазных щелей, с резко очерченными скулами, особенно у женщин, и с суровым, даже мрачным выражением лица... По внешнему виду степной калмык угрюм, мрачен, даже груб; такое впечатление он делает своим молчанием, неохотной отрывистой речью, отсутствием внимания, заискивания; но по натуре он патриархален, добръ, гостеприимен и безхитроствен. Эргенской калмык в большинстве выше степняка ростом, отличается большею стройностью и подвижностью, черты лица менее угловаты; нередко встречаются и большие круглые глаза; попадаются лица и совершенно не монгольского типа, даже с белым цветом лица; не мало индивидуумов с густою бородою... Он развитее степняка, но уже заметно теряет патриархальную простоту... Это видоизменение в расовом типе монгола представляет хотя и едва заметный, но прогрессивный шаг к развитию по пути к общеевропейской культуре. Несравненно более печальные результаты в видоизменении этнологических черт калмыка происходят на южной окраине — в Мочагах; население здесь изурное, забитое, на половину пораженное сифилисом и страдающее хроническими лихорадками“¹⁾. Указывая на условия жизни, как на один из моментов модификации калмыцкого типа, г. Житецкий добавляет, однако, что здесь играли, вероятно, не малую роль и некоторые племенные различия, так как наиболее определенно отличается от общей массы тип Эргенского калмыка, а в Эргенях живут потомки дербетов, в центральной же степи — преимущественно торгоутов. Тип „черневых“ (мочажных)

¹⁾ Ж и т е ц к и й. Астрах. калмыки. Астрах., 1892, стр. 32—33.

калмыковъ я охотно готовъ признать вмѣстѣ съ г. Житецкимъ за типъ вырождающійся, къ тому же въ значительной мѣрѣ и смѣшанный, такъ какъ въ Черняхъ можно встрѣтить очень много явныхъ метисовъ съ русскими, армянами и татарами. Можно ли говорить объ отличіяхъ населенія Эргеней, какъ о расовыхъ отличіяхъ, или же только какъ объ отличіяхъ людей, живущихъ въ большемъ достаткѣ, на основаніи существующихъ въ настоящее время наблюденій, нельзя рѣшить.

Что касается физическаго типа калмыковъ, то, по общему впечатлѣнію, они въ массѣ представляются нѣсколько низкорослыми, хотя между ними есть отдѣльные индивидуумы и даже семьи, отличающіеся хорошимъ ростомъ. Сложеніе ихъ крѣпко, коренасто; плечи широки, грудь достаточно высока и широка; ноги—съ особой вогнутостью, характерною для кочевниковъ, много ѣздящихъ верхомъ. Мускулатура развита обыкновенно очень хорошо; ея развитіе особенно замѣтно, благодаря сухощавости, составляющей для калмыковъ общее правило. Волоса на головѣ калмыковъ не слишкомъ густы, но толсты, жестки, прямы, поголовно у всѣхъ непосредственно изслѣдованныхъ мною субъектовъ блестяще-чернаго цвѣта или же темпорусые, очень, однако, темнаго, близкаго къ черному, оттѣнка. Среди калмыковъ-метисовъ нерѣдко встрѣчаются субъекты съ волнистыми, даже слегка курчавыми волосами. Большинство калмыковъ стрижется по-казаки „въ кружокъ“, иногда при этомъ сбывая волосы на лбу на высоту 5—6 сант. отъ начала волосистой линіи. Въ этомъ сбываніи волосъ на лбу сохранилось какъ бы воспоминаніе объ обычѣ брить всю голову, оставляя лишь на ея макушкѣ косу. Этотъ обычай, сохранившійся до сихъ поръ у той торгоутской вѣтви, которая ушла въ Тарбагатай, у приволжскихъ калмыковъ исчезъ окончательно. Бороды и усы у калмыковъ или почти совсѣмъ нѣтъ, или же они состоятъ изъ отдѣльных рѣдкихъ жесткихъ волосъ. Радужная оболочка импрегнирована обыкновенно темнымъ пигментомъ. Форма глазъ калмыковъ характеризуется замѣтно косымъ прорѣзомъ глазной щели и „монгольскою складкою“ (epicanthus). Относительно послѣдней надо сказать, что она, согласно тому, какъ это отмѣчаютъ и другіе изслѣдователи монгольскихъ племенъ, наиболѣе характерно выражена у дѣтей и у молодыхъ субъектовъ, къ старости же сглаживается и даже исчезаетъ совершенно (Мечниковъ, Ивановскій и др.). Произведенный мною подсчетъ на 200 особахъ привелъ меня къ результатамъ, болѣе согласующимся съ наблюденіями г. Иванова, чѣмъ съ заявленіями г. Мечникова, а именно—монгольская складка исчезаетъ не въ старости, но замѣтно убываетъ уже и въ среднихъ лѣтахъ. У взрослыхъ калмыковъ, въ возрастѣ 20—30 лѣтъ, я могъ ее отмѣтить въ 85% всѣхъ наблюденій, въ возрастѣ 30—35—уже въ 60%, а въ возрастѣ отъ 40 лѣтъ и выше—всего въ 10—15% (отъ 45 лѣтъ и выше я ее почти не встрѣчалъ совсѣмъ). Цвѣтъ кожи на лицѣ у